

УДК 1(075.8)

А.Л. Рудакова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДОКТРИНЫ КОНЦА ИСТОРИИ ФРЕНСИСА ФУКУЯМЫ

РУДАКОВА Алена Леонидовна – аспирант, *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.*

Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
e-mail: zmeika_helen@mail.ru

В статье анализируется популярная сегодня в западной социальной философии доктрина конца истории американского ученого Ф. Фукуямы, вскрываются ее теоретические истоки и идеологические предпосылки. Предпринятая Фукуямой попытка теоретически ограничить современное развитие всемирной истории схемой западной либеральной демократии как окончательной формой правления рассматривается автором как необоснованная и утопическая, отражающая политические интересы ведущих стран Запада.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ; МЕТОДОЛОГИЯ; СОЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ; КОНЕЦ ИСТОРИИ; ЗАПАДНАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ; Г.В.Ф. ГЕГЕЛЬ; А. КОЖЕВ.

Современная эпоха, переживаемая человечеством, по многим основаниям может рассматриваться как эпоха переломная. Нарастающие кризисные явления захватывают сегодня важнейшие виды общественной деятельности по всему земному шару, серьезно затрудняя функционирование мирового социального организма. По существу, на рубеже XX и XXI вв. человечество столкнулось с самой острой проблемой – проблемой выживания.

В этих условиях, разумеется, резко возрастает потребность в глубоком осмыслении сложившейся ситуации и эффективном разрешении накопившихся проблем. Здесь перед исследователями встают значительные трудности, связанные с гетерогенностью современного человечества, многообразием природно-географических, социально-культурных, экономических, политических условий и обстоятельств, в которых живут и действуют люди разных национальностей в различных регионах нашей планеты. В этом сложнейшем переплетении многообразных потребностей и интересов миллиардов живущих и действующих людей очень непросто обозначить возможные пути регионального и мирового развития, а тем более выделить его определяю-

щие тенденции. Поскольку эти проблемы имеют глобальный характер, то и поиск наиболее эффективных решений, по-видимому, прежде всего связан с философским дискурсом. И действительно, философское сообщество в лице своих талантливых представителей, проживающих в разных странах, предложило мировой общественности ряд заслуживающих внимания исследований, анализирующих новейшие мировые социально-экономические и политические тенденции и намечающих возможные пути выхода из кризиса.

На Западе авторами наиболее популярных и обсуждаемых философско-исторических работ стали С. Хантингтон [14] и Ф. Фукуяма [12, 13].

В этой связи нельзя, правда, не отметить что оценки и рекомендации, предлагаемые западными социальными философами, как правило, базируются на таких идеологических и философских принципах, которые не разделяются философами, принадлежащими к иным, не западным, культурно-идеологическим традициям. Здесь можно отметить ведущих социальных мыслителей современной России, Китая, представителей исламской культуры и др.

В своих философско-исторических исследованиях западные ученые, как правило,

исходят из европо- и американоцентристской установок, в соответствии с которыми ведущей тенденцией мирового социально-экономического и политического развития объявляется либеральная западная демократия, которая со временем якобы и восторжествует во всем мире.

В стремлении навязать эту точку зрения остальному миру западные политики, социологи и политтехнологи всемерно учитывают то обстоятельство, что на рубеже XX и XXI вв. в жизни человечества произошли важные технологические изменения, преобразившие социальную реальность. В повседневную жизнедеятельность людей активно вошли новейшие информационные технологии. И сегодня знания и информация становятся не менее существенными основаниями современного общества, чем труд и средства производства. «Наряду с отчуждением труда, отчуждением человека от природы и человека, возникает информационное отчуждение. Окружающий мир современного человека — это мир, созданный информационным продуктом — овеществленной информацией» [9, с. 5].

В этих новых условиях значительно возрастают возможности манипулирования индивидуальным и общественным сознанием, т. е. идеями, образами, символами, составляющими основу знания и информации.

Западные философы прикладывают большие усилия для того, чтобы доказать универсальный, общецивилизационный характер ценностей «западной либеральной демократии», полагая, что формирование ценностей социального рыночного хозяйства, правового государства и демократии составляет ведущую тенденцию мирового социально-исторического развития. С этой точки зрения те национальные культурные ценности, которые не коррелируют с ценностями «западной либеральной демократии», представляют лишь досадную помеху универсальному историческому развитию.

Наиболее рельефно указанную точку зрения выразил американский ученый Френсис Фукуяма. В 1989 г. Фукуяма, возглавлявший тогда отдел политического планирования Госдепартамента США, опубликовал статью под интригующим названием «Конец истории?» [См.: 12], которая оперативно была переведена на многие иностранные языки и вызвала самые широкие отклики.

Стремясь аргументированно ответить своим многочисленным оппонентам, максимально прояснить смысл и уточнить нюансы своей концепции, Ф. Фукуяма в 1994 г. публикует монографическое исследование на затронутую тему под несколько видоизмененным названием «Конец истории и последний человек» (на русский язык переведено в 2002 г.) [См.: 13]. Это исследование, так же как и исходная статья, стало чрезвычайно популярным, вызвало новую волну комментариев, и с тех пор ряд принципиальных идей американского философа вошли в число актуальных тем современной западной социальной философии, политологии и футурологии.

При оценке концепции американского философа необходимо прежде всего выяснить, какой же смысл он вкладывает в содержание своего тезиса «конец истории», а также чем объяснить несомненную популярность указанных произведений [11].

Отвечая на поставленные вопросы, в первую очередь следует отметить, что указанные работы американского ученого оказались очень актуальными: конец века, а тем более тысячелетия, традиционно является временем подведения итогов мировой истории и определения ее перспектив. Причем по многим основаниям современная эпоха может рассматриваться как эпоха переломная. «Тезис „конца истории“ подразумевает, что все или некоторые формы общественной жизни и индивидуального человеческого существования достигли своей совершенной и непревзойденной формы. Ход событий может теперь заключаться лишь в том, чтобы наполнять эти формы акцидентальным многообразием жизни» [10, с. 51].

Поэтому размышления о том, «созданы ли в ходе предшествующей истории такие идеи, идеалы и принципы, которые имеют общецивилизационную, универсальную и непреходящую значимость» [3, с. 149], представляются существенно важными для философии истории. Фукуяма утвердительно отвечает на этот вопрос. Он обозначает систему таких идей, идеалов и принципов терминами «западная либеральная демократия» и «современный западный либерализм».

Мыслительная фигура «конца истории», а точнее, «конца времен», вообще говоря, появляется в мировой культуре с завидной регулярно-

стью и во множестве вариантов, отличить которые друг от друга возможно лишь при условии точного выяснения того содержания, которое каждый раз вкладывается в это понятие.

Другое дело, что формулирование и попытка глубокого философского осмысления понятия «конец истории» в контексте развитой философской системы были впервые осуществлены сравнительно недавно, в начале XIX в., великим немецким мыслителем Г.В.Ф. Гегелем в его знаменитой работе «Феноменология духа». Переосмыслив идеи Гегеля и других видных философов и ученых того времени, К. Маркс разработал материалистическое понимание истории, которое исходит из предпосылки, что процесс исторического развития человечества прежде всего и главным образом определяется влиянием взаимодействующих друг с другом социально-экономических (производственных) отношений и так называемых производительных сил, включающих в себя субъективные (человек) и вещественные (техника) элементы, осуществляющие общественное производство, т. е. «обмен веществ» между обществом и природой. Опирающееся, таким образом, на взаимодействие материальных сил, историческое развитие имеет необходимый и целенаправленный характер и завершится формированием коммунистической общественно-экономической формации, в которой будут разрешены наиболее острые социальные противоречия.

«И Гегель, и Маркс верили, — резюмирует Фукуяма, — что эволюция человеческих обществ не бесконечна; она остановится, когда человечество достигнет той формы общественного устройства, которая удовлетворит его самые глубокие и фундаментальные чаяния. Таким образом, оба эти мыслителя постулировали „конец истории“: для Гегеля это было либеральное государство, для Маркса — коммунистическое общество. Это не означало, что остановится естественный цикл рождения, жизни и смерти, что больше не будут происходить важные события или что не будут выходить сообщающие о них газеты. Это означало, что более не будет прогресса в развитии принципов и институтов общественного устройства, поскольку все главные вопросы будут решены» [13, с. 9].

Приведенные суждения Фукуямы не могут не вызвать удивления. Они ясно свидетельствуют о том, что по крайней мере во время напи-

сания указанных работ американский философ был недостаточно хорошо знаком с творчеством Маркса. Основоположник марксизма никогда не утверждал, что победа коммунизма обозначит конец человеческой истории. Напротив, он неоднократно подчеркивал, что коммунистическое общество — это начало подлинной истории людей, в то время как вся предшествовавшая этому обществу социальная эволюция может рассматриваться лишь как предыстория. «Буржуазные производственные отношения, — отмечал в этой связи К. Маркс в своей известной работе „К критике политической экономии. Предисловие“, — являются последней антагонистической формой общественного процесса производства... Буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» [7, с. 536–537]. Для Маркса коммунизм, т. е. подлинная, истинная человеческая история, — это бесконечно развивающийся процесс.

По всей видимости, рассуждая о социальной теории Маркса, Фукуяма некритически воспринял мнения некоторых своих предшественников, приписавших Марксу идею конца истории [8, с. 264].

Кто действительно воспринял идеи Гегеля о конце истории, так это его русско-французский комментатор А. Кожев, развивавший указанные идеи в XX в.

В своих размышлениях о «конце истории» Фукуяма прежде всего опирается на идеи Гегеля и Кожева. Нельзя, впрочем, не отметить, что обращение американского социального философа к этой теме в значительной степени было вызвано и даже вдохновлено теми событиями в конце XX в. в Восточной Европе, которые он называет «крушением коммунизма».

Можно согласиться с одним из критиков в том, что «рисованная Фукуямой картина есть не что иное, как атеистическая эсхатология, вульгаризированный христианский финализм» [6, с. 49]. Фукуямовская философия истории в отличие от христианской начисто лишена трансцендентного плана. Всё, что происходит, происходит по эту сторону существования. Подобная «подстановка» на первых порах помогла американскому философу привлечь внимание многих читателей. Однако привлекательность сочинений Фукуямы в глазах читателей довольно быстро померкла: мало-мальски критиче-

ский взгляд давал возможность за высокопарными универсалистскими разглагольствованиями философа разглядеть достаточно навязчивое восхваление западных (в основном американских) социально-экономических и политических порядков и институтов. Этому «отрезвлению», разумеется, помогло и развитие новейшей истории человечества, которое совершенно «не вписывалось» в финалистские схемы Фукуямы и по существу отрицало его философско-историческую доктрину.

По мере углубления в анализируемую концепцию становится все более и более очевидно, что перед нами – вульгаризированный вариант спекулятивной философии истории гегелевского типа. По Гегелю, развитие человеческой истории осуществляется в результате последовательного разрешения постоянно возобновляющегося противоречия господства и рабства, в результате чего возникшее рабское сознание постепенно преобразуется в сознание свободного гражданина всеобщего государства [1]. При этом философия истории Гегеля остается схематической и спекулятивной. Спекулятивная философия истории озабочена лишь тем, чтобы «подогнать» исторические события под умозрительные схемы, «наполнить» их соответствующим историческим содержанием. При этом выбор событий, символизирующих «конец истории», достаточно субъективен и во многом зависит от личных установок и предпочтений того или иного философа. Для Гегеля это были события Великой французской революции и военно-политическая деятельность Наполеона. После победы Наполеона над немцами под Йеной в октябре 1806 г. находившийся в этом городе Гегель взволнованно сообщал своему корреспонденту Нитхаммеру: «Самого императора – эту мировую душу – я увидел, когда он выезжал на коне на рекогносцировку. Поистине испытываешь удивительное чувство, созерцая такую личность, которая, находясь здесь, в этом месте, восседая на коне, охватывает весь мир и властвует над ним» [2, с. 255].

Гегелю показалось, что он явился свидетелем события исключительной важности: Йенской битвой завершается мировая история, история становления мирового духа. Теоретическое осмысление этих интуиций было осуществлено в вышедшей в свет в 1807 г. «Феноменологии духа» [1].

Если следовать логике Гегеля, история «заканчивается» в результате утверждения идей французской революции, завершившей эпоху национальных дифференциаций и провозгласившей наступление нового «сверхнационального» мирового порядка.

Что касается Кожева, то он предложил свой, соответствующий реалиям XX в. вариант универсалистской концепции, вариант технократического тоталитаризма. В 1930-х гг. он связывал свои ожидания «конца истории» с Советской Россией и деятельностью Сталина, а после окончания Второй мировой войны – с Америкой и Генри Фордом. Но после посещения Японии в 1959 г. Кожев радикально поменял свои взгляды на этот счет. Познакомившись с особенностями японской цивилизации, он высказал предположение, что эта цивилизация, сложившаяся на путях, прямо противоположных американскому пути, т. е. в отсутствие гражданских и внешних войн и искусственной изоляции страны, может обозначить контуры нового, не похожего на американский, универсального «конца истории». В этих условиях, как полагал Кожев, в Японии сложилась особая, формализованная система ценностей, полностью лишенная какого-либо «человеческого», в смысле «исторического», содержания. Яркими примерами таких ценностей он считает чайную церемонию, искусство составления букетов цветов (икебана), театр НО. Иными словами, «недавно начавшееся взаимодействие Японии и западного мира в конце концов приведет не к ре-варваризации японцев, а к японизации западных людей (включая русских)» [12].

Ф. Фукуяма по существу продолжает следовать субъективистской методологии своих европейских предшественников, акцентируя внимание теперь уже на «универсализации западной либеральной демократии как окончательной форме правления» и видя в этой тенденции «конец истории как таковой» [5, с. 541].

При этом обращает на себя внимание крайняя неопределенность, размытость предлагаемых Фукуямой показателей демократичности того или иного общества или государства. Как и большинство его американских коллег, Фукуяма исходит из предположения, что в современном обществе важнейшим критерием демократичности какого-либо государства является его подвластность (на худой конец – лояльность)

Соединенным Штатам Америки. В данном случае (как, впрочем, и во многих других) отчетливо просматриваются философские ориентации Фукуямы, его зависимость от влиятельных в американском научном сообществе принципов прагматизма.

«Постисторический мир, — продолжает Фукуяма, — это мир, в котором стремление к комфортному самосохранению победило желание рисковать жизнью в битве за престиж и в котором борьбу за господство сменило всеобщее и рациональное признание» [13, с. 427].

Трудно сказать, что превалирует в приведенных рассуждениях американского философа — утопизм или откровенное лицемерие. Потребность в признании, на которой он по существу строит всю свою социально-философскую концепцию, не является ни единственной, ни основной потребностью человека, и она не может привести к либерализму [4].

Очевидно, что способ мышления, прокламирующей очередной «конец истории», совершенно расходится с реалиями общественно-политической жизни человечества в

XIX–XXI вв. Не сбылись прогнозы Гегеля. Не оправдались теоретические поиски Кожева. Оказались неадекватными и новейшие универсалистские схемы Фукуямы. Как образно заметил один из его критиков, «идеал всемирного гражданства разбился о национализмы, а образ планетарного технократа поблек и стерся в ходе конфронтаций с разного рода фундаментализмами» [6, с. 50].

Поэтому и рассуждения Фукуямы о наступающем всемирном торжестве «западной либеральной демократии» и в этом смысле «конце истории» оказались несостоятельными. Как ни старался американский философ теоретически «закрыть» историю, сделать это ему не удалось. История человечества «не поддалась» ухищрениям американского философа. Она по-прежнему открыта и не завершена. Более того, ведущие тенденции мирового социально-исторического развития конца XX — начала XXI в. дают основания предполагать, что человечество вступило на путь труднейших испытаний и потрясений, которые и определяют контуры грядущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Полн. собр. соч. В 14 т. Т. 4. М.: Изд-во социал.-экон. лит. (Соцэкгиз), 1959. 488 с.
2. Гегель — Нитхаммеру. Йена, понедельник, 13 октября, в день, когда Йена была занята французами и император Наполеон въехал в ее стены // Работы разных лет. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1973.
3. Замошкин Ю.А. «Конец истории»: идеологизм и реализм // Вопросы философии. 1990. № 3.
4. Ильин А.Н. Возможен ли конец истории по Ф. Фукуяме? URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Pyin_End-of-History-Fukuyama/.
5. Кожев А. Введение в чтение Гегеля / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2003. 792 с.
6. Малахов В.С. Еще раз о конце истории // Вопросы философии. 1994. № 7–8.
7. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во полит. лит., 1979.
8. Мизес Л. фон. Теория и история / пер. с англ. А.Г. Грязнова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
9. Поппер К. Открытое общество и его враги / пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. В 2 т. Т. 2. М.: Феникс, Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992.
10. Пую Ю.В. Философия манипулирования. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009.
11. Фридрих К. О функциях одной мыслительной фигуры // Вопросы философии. 1994. № 7–8.
12. Фукуяма Ф. Конец истории // Вопросы философии. 1990. № 3.
13. Он же. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2004. 588 с.
14. Хангтингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 603 с.

A.L. Rudakova

THEORETICAL ORIGINS AND IDEOLOGICAL BACKGROUND OF THE DOCTRINE OF THE END OF HISTORY OF FRANCIS FUKUYAMA

RUDAKOVA Alyona L. – *The Herzen State Pedagogical University of Russia.*

Nab. Moiki, 48, St. Petersburg, 191186, Russia

e-mail: zmeika_helen@mail.ru

The article analyzes the end of the doctrine, which is popular today in the western world, of the social philosophy of history of the American scholar Francis Fukuyama, opened its theoretical origins and ideological premises. The attempt of Fukuyama to theoretically limit the modern development of the world history scheme of the western liberal democracy as the final form of government is considered in the article as unfounded, utopian and reflecting the political interests of the leading countries of the West.

HISTORY PHILOSOPHY; METHODOLOGY; SOCIAL KNOWLEDGE; HISTORY END;
WESTERN LIBERAL DEMOCRACY; G.W.F. HEGEL; A. KOZHEV.

REFERENCES

1. Hegel G.W.F. Fenomenologiya dukha [Phenomenology of spirit]. *Complete works*. In 14 vol. Of vol. 4. Moscow, Socio-economic literature Publ., 1959. 488 p. (In Russ.)
2. Gegel – Nitkhammeru. Yena, ponedelnik, 13 oktyabrya, v den', kogda Yena byla zanyata frantsuzami i imperator Napoleon vyekhal v yeye steny [Hegel – Niehammer. Jena, Monday, October 13, the day when the yen was occupied by the French Emperor Napoleon entered its walls]. *Works of different years*. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1973. (In Russ.)
3. Zamoshkin Yu.A. ["The End of History": ideology and realism]. *Voprosy filosofii*, 1990, no. 3. (In Russ.)
4. Il'in A.N. *Vozmozhno li konets istorii po F. Fukuyame?* [Is it possible to the end of history by Fukuyama?]. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Ilyin_End-of-History-Fukuyama/.
5. Kozhev A. *Vvedenie v chtenie Gegelya* [Introduction to the Reading of Hegel]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 792 p. (In Russ.)
6. Malakhov V.S. [Esche just about the end of history]. *Voprosy filosofii*, 1994, no. 7–8. (In Russ.)
7. Marx K. K kritike politicheskoy ekonomii. Predisloviye [Critique of Political Economy. Preface]. *Marx K., Engels F. Selected works*. In 3 vol. Of vol. 1. Moscow, Political Literature Publ., 1979. (In Russ.)
8. Mizes L. fon. *Teoriya i istoriya* [Theory and History]. Moscow, UNITY-DANA Publ., 2001. 264 p. (In Russ.)
9. Popper K. *Otkrytoye obshchestvo i yego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Feniks Publ., International Foundation "Cultural Initiative", 1992. (In Russ.)
10. Puiu Yu.V. *Filosofiya manipulirovaniya* [Philosophy manipulation]. St. Petersburg, Politekhniicheskiy univ. Publ., 2009. (In Russ.)
11. Fridrih K. [On the functions of a mental shape]. *Voprosy filosofii*, 1994, no. 7–8.
12. Fukuyama F. [The End of History]. *Voprosy filosofii*, 1990, no. 3.
13. Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow, AST Publ., 2004. 588 p. (In Russ.)
14. Huntington S. *Stolknoveniye tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Moscow, 2003. 603 p. (In Russ.)